

В. В. Вдовин

Социальная работа с детьми, имеющими дефекты развития, в годы Великой Отечественной войны

В статье проведен анализ краеведческих документов о деятельности ярославских органов образования, направленной на социально-педагогическую помощь детям-сиротам, имеющим дефекты развития, в годы Великой Отечественной войны. Материал статьи может быть рекомендован для социальной работы на современном этапе.

Ключевые слова: социально-педагогическая помощь; социально-педагогическое сопровождение; дети-сироты; дети, оставшиеся без попечения родителей; дети с дефектами развития.

V. V. Vdovin

Social Work with Children Who Have Development Defects during the Great Patriotic War

In the article the analysis of local history documents about the activity of Yaroslavl educational bodies directed onto social and pedagogical help to orphan children who have development defects during the Great Patriotic War is carried out. The material of this article can be recommended for social work at the present stage.

Key words: socio-educational assistance, social and educational support, orphans, children left without parental care, children with development defects.

В Германии после прихода Гитлера к власти «идеи фашизма и традиции немецкой национальной системы специального образования оказались несовместимы». С установлением фашистской диктатуры гуманные рассуждения о необходимости заботы о слабых и обездоленных рассматривались как «проявление гнилой сентиментальности, чуждой духу национал-социализма». В Советском Союзе, напротив, педагогическая и государственная мысль исходила из того, что «какова бы ни была причина умственной отсталости ребенка, как бы ни была тяжела болезнь его нервной системы (даже если эта болезнь прогрессирует), наряду с распадом происходит и развитие». Поэтому даже в годы Великой Отечественной войны происходило развитие сети специальных детских домов для умственно отсталых детей, совершенствование методик социально-педагогической работы с ними, улучшение ситуации с педагогическими кадрами, работающими в коррекционной педагогике.

Будучи одним из лидеров по приему «обычных» сирот, эвакуируемых из зоны боевых действий, Ярославская область, естественно, не могла в таком же количестве принимать детей «группы риска», страдающих дефектами развития и нуждающихся в специальном (коррекци-

онном) социально-педагогическом сопровождении. Так, например, сведения «ежеквартальных отчетов по устройству детей, оставшихся без родителей» за 1944–1946 гг. по состоянию на 1 октября 1944 г. в Ярославской области в детдомах содержалось 12 371 воспитанник, «в том числе без школ глухонемых, учреждений с особым режимом и интернатов» (то есть в обычных детских домах) – 12 086 сирот. Нетрудно подсчитать, что контингент, как тогда выражались, «дефективных» детей составлял во всем Ярославском крае лишь 285 человек.

Свидетельств об эвакуации в Ярославскую область детей-сирот с дефектами развития в архивах не имеется, а случаи попадания «местных» (официальный термин документов тех лет) умственно отсталых, глухонемых и иных «дефективных» детей в детские дома были редкими – настолько, что такого ребенка порой даже не могли вовремя распознать. Так, сохранилось письмо, направленное 21 июля 1943 г. секретарем Большесельского райкома ВКП(б) главе Ярославского обкома Ларионову: «Большесельский райком ВКП(б) просит оказать содействие в направлении в детский дом для умственно-дефективных (так в тексте – Авт.) детей двух детей военно-служащего майора тов. Д. М. Лебедева Тов. Ле-

бедев находится на лечении после ранения, награжден за боевые заслуги орденом Отечественной войны. С женой тов. Лебедева случился несчастный случай, она попала под поезд и умерла. После нее осталось 6 человек детей, причем двое – Геннадий 16 лет и Владимир 7 лет – умственно дефективны. Все они сейчас помещены в детский дом, а эти два дефективных нуждаются в срочном направлении в специальный детский дом, ибо держать их вместе с нормальными детьми не представляется возможным, кроме того, им необходимо специальное лечение и воспитание». Надо заметить, что реакция руководителя ярославских коммунистов последовала незамедлительно – на обращении стоит резолюция: «Окажите помощь. Это надо сделать быстро».

Такой инцидент не был исключением из правил. Проблемами организации должного ухода за сиротами, требующими коррекционного социально-педагогического сопровождения, и устранением недостатков работы в этой сфере ярославские педагоги и социальные работники занимались постоянно. Это очень хорошо видно на примерах работы по подготовке педагогических кадров.

Так, в Ярославле в июне 1943 г. (с 25 по 28 июня) было проведено специализированное «межобластное кустовое совещание инспекторов и директоров специальных (для глухонемых, слепых детей) и вспомогательных школ» под председательством Начальника отдела специальных школ Наркомпроса РСФСР Л. М. Диментман, которое принял на своей территории Ярославский педагогический институт (ныне ЯГПУ им. К. Д. Ушинского).

В совещании приняли участие ведущие специалисты по коррекционной педагогике тех лет: на мероприятие прибыли 8 специалистов Научно-исследовательского дефектологического института, 3 ученых из Московского государственного педагогического института, 2 специалиста Интерната Ленинградского института слуха и речи и другие ученые – в целом более 50 специалистов. Для выработки и улучшения координации усилий педагогов и властных структур на совещание были откомандированы инспекторы областных отделов народного образования по специальным школам Архангельской, Вологодской, Горьковской (Нижегородской), Ивановской и Ярославской областей.

Таким образом, будучи относительно свободной от практики социально-педагогического сопровождения сирот и детей с дефектами разви-

тия, Ярославская область была одним из передовых регионов страны по теоретической разработке данной проблемы. Это давало значительные успехи в работе с теми «особыми» детьми, которые все-таки попадали в специализированные детские дома и интернаты нашего региона.

В годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное пятилетие на территории Ярославской области на постоянной основе действовало одно учреждение для детей с дефектами развития – Григорьевский детский дом, названный так по месту расположения – «местность Григорьевское Вятского почтового отделения Некрасовского района».

В детском доме проживали совместно и мальчики, и девочки; кроме того, дети подразделялись на «трудоспособных» (иначе говоря, имеющих относительно легкие поражения головного мозга, то есть носителей диагнозов «дебильность» и «имбицильность») и «нетрудоспособных» (обладателей диагноза «идиотия»). В начале 1941 г. в этом заведении воспитывались 87 детей с дефектами развития, за год прибавилось 4 воспитанника и на начало 1942 г. их стало 91 человек, на 1 января 1943 г. числился 71 воспитанник, а на 1 января 1944-го – 91 ребенок.

Особенность этого детдома была не только в контингенте его воспитанников, но и в том, что подчинялся детдом не Наркомату просвещения РСФСР, а республиканскому Народному комиссариату социального обеспечения.

Администрация Григорьевского детдома учла все эти особенности и очень грамотно разместила детей. «Нетрудоспособные» дети с диагнозом «идиотия» были размещены в особом, закрытом для «трудоспособных» помещении на первом этаже. Там находились отделенные друг от друга спальни для мальчиков и для девочек. «Трудоспособные» дети строго разделялись по полу: спальня мальчиков находилась на втором этаже, а спальня девочек – на третьем. Это также отвечало особенностям детей с легким и средним поражением головного мозга.

Ярославский областной отдел социального обеспечения и его структурные подразделения внимательно следили за материально-техническим состоянием здания детского дома и относящихся к нему построек. Показателен случай: в 1943 г. в условиях военного времени и сопутствующих ему огромных материальных трудностей, в Григорьевском детдоме была произведена, в дополнение к действительно жизненно важным ремонтным работам (были отремонти-

рованы печи для усиления противопожарной безопасности и произведено полное остекление окон перед наступлением холодов) также и «покраска панелей» в спальнях детей – по видимому, не столько в целях их сохранения от рассыхания и пр., сколько в целях улучшения облика спален, чтобы обстановка не угнетала воспитанников. В том же году был произведен косметический ремонт бани при детдоме, а в 1945 г., не дожидаясь окончания Великой Отечественной войны (итог которой, впрочем, был уже очевиден), на областном совещании директоров интернатов и домов инвалидов, проходившем 22 марта, директора Григорьевского детдома Турова обязали к 10 августа 1945 г. сделать в бане и капитальный ремонт: перебрать полы и т. д. Одновременно ему было дано задание обеспечить покраску заново деревянной крыши здания детдома – то есть фактически к обстановке детского дома были предъявлены уже требования мирного времени.

Неуклонно повышалось качество снабжения детдома необходимыми продуктами питания, одеждой, инвентарем и пр., удавалось обеспечивать сиротам с отклонениями в умственном развитии достойное питание по повышенным нормам.

Отпускаемые государством продукты дополнялись продуктами, ежегодно собираемыми воспитанниками Григорьевского детского дома на приусадебном хозяйстве этого учреждения. Так, даже в тяжелом 1943 г. «картофеля было собрано – 17 тонн, огурцов – 130 кг., помидоров – 80 кг., капусты – 200 кг., гороха – 1,5 тонны». В следующем году перечень овощей, выращиваемых воспитанниками Григорьевского детдома, расширился: с приусадебного хозяйства начали собирать лук, морковь и свеклу.

Все это создавало достаточно хорошую материальную базу для педагогической работы с детьми-сиротами, имеющими врожденные дефекты развития.

С началом Великой Отечественной войны задача воспитать патриота стала значительно более актуальной: настолько, что на нее обратили пристальное внимание все без исключения инстанции, имевшие отношение к воспитательному процессу.

23 мая 1942 г. Заведующий Ярославским областным отделом социального обеспечения писал в Государственную штатную комиссию при Совете народных комиссаров СССР, требуя увеличить штаты и поднять зарплату для культу-

ботников домов инвалидов: «Ранее эту должность занимал кто-нибудь из работников дома по совместительству, теперь же необходимо ввести самостоятельную единицу с тем, чтобы культработник был одновременно и политруком». Спустя несколько дней аналогичное по тексту письмо было отправлено Председателем исполкома Ярославского областного совета напрямую в Совет народных комиссаров СССР.

Конкретно Григорьевский детский дом постоянно выписывал 3 газеты: «Пионерскую правду», «Комсомольскую правду» и «Северный рабочий». Газеты наиболее активно использовались для политико-просветительской и патриотической работы с детьми: «Работа с «Пионерской правдой» проводится в виде составления своего альбома. Воспитатель подбирает интересный и понятный детям материал, читает его вслух, беседует с детьми, подбирает иллюстрации. Аккуратно подбирает их с детьми и клеивает в альбом вместе с текстом.

Дети особенно любят эти книги-альбомы, составленные ими самими. Проведение кружковой работы значительно разнообразит проведение вечерних воспитательных смен и дает детям возможность заниматься в кружке по своей склонности и выявляет способности детей».

Наиболее способные воспитанники Григорьевского детского дома под руководством завуча выпускали и свою стенгазету, выходившую ежемесячно. Она делалась по той же технологии, что и альбомы по материалам «Пионерской правды»; в отчетах детского дома указывалось, что стенгазета «отражает события из жизни страны и табельные дни» («табельными днями» в то время назывались государственные праздники, подавляющее большинство которых были связаны с политической жизнью страны).

В конце каждого месяца в Григорьевском детском доме проводились «детские собрания», на которых присутствовало все руководство учреждения: директор, завуч, учителя и воспитатели. Помимо общих дисциплинарных вопросов на «детском собрании» отмечался и «каждый табельный день с проведением небольшого, рассчитанного на степень понятия детей, доклада завуча или воспитателя на отмечаемую дату».

Очень хорошо обстояли дела с материально-технической базой, обеспечивавшей патриотическое и политико-пропагандистское воздействие на детей. Так, наиболее видное место в классных комнатах Григорьевского детского дома занимала витрина «Иосиф Виссарионович Сталин», ко-

торая регулярно обновлялась – например, в декабре 1949 г. в ней были размещены тематические материалы к 70-летию «вождя народов». Только после витрины «Товарищ Сталин» шли такие витрины, как «Наглядные полотна и иллюстративный материал», «Крупная и мелкая разрезная азбука», «Крупные и мелкие цифры», «Шаблоны и вклады», «Раздаточный материал», «картины по развитию речи», «картины по естествознанию», стенд «Домашние животные», гербарий и учебное пособие «скелет человека».

Аналогичным образом, среди участников детдомовского хорового кружка разучивались преимущественно «русские и военные песни», причем с политико-пропагандистским уклоном: «Любимые песни – «От колхозного края», «Сталинцы», «Песня о Москве»; была разучена «Кантата о Сталине».

В русле патриотического воспитания сирот Григорьевского детского дома им прививались навыки поведения в обществе, усердие к труду, прилежание, любовь к прекрасному, лучшие человеческие качества: доброта, верность, дружба и т. д.

Так, на уроках русского языка немалое место занимало чтение учителем вслух рассказов и сказок, названия которых говорят сами за себя – например, «Настоящий товарищ». Большим спросом у педагогов Григорьевского детского дома пользовались небольшие рассказы Л. Н. Толстого, специально написанные им для воспитания лучших личностных качеств у детей. Сиротам Григорьевского детдома читался, например, рассказ «Косточка» (в нем беззлобно высмеивается мальчик, без разрешения взявший из общего блюда сливу). Успехи такого воспитания были значительны: «Ученики приобрели навык слушать чтение и давать полные ответы по прочитанному».

Когда дети переходили к самостоятельному чтению, им давались преимущественно рассказы, пропагандирующие патриотизм, и (что, видимо, было обусловлено военным временем и его последствиями, ощутимо проявившимися в первое послевоенное десятилетие) военные подвиги: «Родина-мать», «В тылу врага», «Подвиг пионеры» и т. п. Внедрялось и четкое представление «свой – чужой»; один из рассказов так и назывался «Для чужих». Дети должны были не только прочесть тот или иной рассказ, но и «разобрать его по плану пересказа».

Более «мирными» были учебные картины для развития речи, хотя и они приобщали воспитан-

ников Григорьевского детдома к прекрасному исключительно на собственных примерах – активно использовалась, например, учебная картина «Родной край».

Аналогично при работе «струнного кружка»: «Кружок разучивает русские народные танцы и песни». Хотя главная функция кружка явно была не в этом, а в приобщении воспитанников к прекрасному – в данном случае, через музыкальное воздействие. К услугам участников кружка были самые разнообразные инструменты: балалайки, скрипка, мандолины, гармонь, гитары. Для всех без исключения относительно дееспособных воспитанников Григорьевского детдома устраивались коллективные прослушивания патефона; к патефону имелось 15 пластинок.

Воспитательная политика была очень грамотно продумана. Так, в кружке рисования «дети приучаются к правильному и аккуратному выполнению рисунка (обводка по контуру, раскрашивание цветными карандашами, прокалывание по контуру)», при этом «каждый рисунок подписывается, ставится число и хранится у руководителя кружка». Таким образом, у воспитанников Григорьевского детского дома не только воспитывались терпение, усидчивость, внимание, аккуратность и тщательность выполнения заданий, но и ответственность и стремление к постоянному самосовершенствованию: воспитатель, ведущий кружок, всегда мог сравнить недавние работы ученика с более старыми; в случае старания новые работы были лучше и заслуживали похвалы, в случае лени – становились хуже и подлежали порицанию.

Трудовое и профессиональное обучение сирот с дефектами развития, воспитывавшихся в Григорьевском детском доме (вернее, той их части, что была трудоспособна по медицинским показаниям) включало в себя 3 компонента:

1. Предмет «Ручной труд» в рамках школьного курса обучения;
2. Работу в приусадебном хозяйстве детского дома;
3. Работу в мастерских детского дома.

Предмет «Ручной труд» преподавался воспитанникам 1-х и 2-х классов школы при Григорьевском детском доме и был направлен главным образом на развитие моторики и увеличение ловкости детей, умения вообще что-либо делать руками.

На уроках ручного труда ученики работали с бумагой. На вводном уроке их ожидало «практическое знакомство со свойствами бумаги (рвется,

складывается, разрезается)». Затем начиналась работа по программе обучения, включавшей следующие пункты:

1. Обводка вкладок и шаблонов (круг, квадрат, треугольник), штриховка простым карандашом;
2. Раскрашивание этих же фигур цветными карандашами;
3. Обводка шаблонов пройденных букв цветными карандашами и их раскрашивание;
4. Рисование по образцу учителя простых бордюров на клетчатой бумаге;
5. Прокалывание по готовому контуру простых фигур иголкой (круг, кольцо, звезда);
6. Обводка простых шаблонов (яблоко, груша, гриб, дом, звезда), раскрашивание их цветными карандашами и прошивание по контуру цветными нитками;
7. Работа с бумагой: складывание, выщипывание, вырезание;
8. Склеивание простых елочных игрушек (матрешки, фонарики, хлопушки, флажки).

Данная программа представляется достаточно продуманной: она выстроена по классической схеме «от простого к сложному» и в целом коррелируется с программами по другим школьным предметам – раскрашивание букв, например, явно способствовало закреплению изучавшихся в 1–2-м классах чтения и письма.

В дальнейшем происходило изучение технологий изготовления более сложных фигур: ученики изготавливали бумажные кораблики, лодки, кошечки, зеркала, стрелы. Также предмет «Ручной труд» затрагивал и основы природоведения, проходившиеся детьми на других уроках: например, ученики складывали из бумаги фигурки голубей и других животных и птиц. Для новогодней елки клеились цепи из бумаги, производилось «составление простого орнамента», «изготавливались красочные пакеты для новогодних подарков».

Во 2 классе, освоив работу с бумагой, ученики начинали «практическое знакомство с простейшими тканями, нитками, иглоками. Дети умеют вдеть нитку в иголку, завязать узел». Для многих воспитанников Григорьевского детского дома такая работа была преддверием для последующего занятия в мастерских детдома, а выпускники с наименьшими поражениями головного мозга, признанные трудоспособными, даже устривались работать на швейные предприятия портнихами и портными.

Наиболее востребован и развит был труд воспитанников Григорьевского детского дома в приусадебном хозяйстве этого учреждения, что объяснялось в первую очередь получаемым урожаем овощей и картофеля – не только в военные, но и в первые послевоенные годы с продовольствием было плохо, и подсобное хозяйство во многом спасало Григорьевский детдом.

В 1943 г. воспитанниками было выращено и собрано 17 тонн картофеля, 1,5 тонны гороха, почти 0,5 тонны капусты, огурцов и помидоров. Тогда же было «получено за счет госпоставок лошадей – 2, свиней – 3, баранов – 8, пчел (видимо, ульев. – Авт.) – 13». На корм лошадям и баранам воспитанники Григорьевского детского дома заготовили 600 пудов (без малого 10 тонн) сена. Работы проводились под руководством инструкторов – специалистов по сельскому хозяйству, а для проведения работ, на которые умственно отсталых воспитанников поставить было нельзя производился найм «вольнонаемных рабочих» – например, в сезон 1944 г. 3 таких рабочих работали на лошадях, производя распашку (двое) и доставку на поля навоза (один). Те же люди ремонтировали сельхозинвентарь: к 1945 г. в Григорьевском детдоме имелись телега, 3 бороны и 3 конских плуга.

На постоянной основе с воспитанниками в поле работали 6 «рабочих и служащих детского дома».

Ярославский областной отдел социального обеспечения уделял большое внимание вопросам организации и проведения посевной и уборочной кампаний, вопросам развития подсобных хозяйств при своих учреждениях. Для этого регулярно созывались «областные совещания директоров интернатов и домов инвалидов». На одном из них, состоявшемся 22 марта 1945 г., свой доклад делал директор Григорьевского детского дома Туров.

Из его выступления следовало, что в целом приусадебное хозяйство детдома неуклонно расширялось. На 12 гектарах детдомовской земли в 1945 г. были высажены картофель, капуста, морковь, свекла, помидоры, огурцы, лук. В соответствии с указанием Областного отдела социального обеспечения «наладить производство трав в размерах, полностью обеспечивающих потребности в них хозяйства» к 1946 г. – в 1945 г. на участке Григорьевского детского дома впервые был высажен клевер.

Ярославский областной отдел социального обеспечения регулярно помогал детскому дому.

Когда в том же 1945 г. директор учреждения Туров на совещании 22 марта констатировал, что у детдома нет семян для посадки капусты, лука, помидоров, огурцов и клевера, то в ответ ему было поручено «к 10.IV.1945 г. составить сметы и производственные задания и представить на утверждение Облсобесу»; после этого утверждения Григорьевский детдом был полностью обеспечен отсутствующими семенами.

Каждому воспитателю вменялось в обязанность вести «индивидуальные характеристики на воспитанников своей группы», где отмечались «особенности их поведения, восприятия, изменения и продвижения за каждый квартал». «По каждой воспитательной группе ведутся табеля дисциплины и дежурств на каждый день».

По итогам каждого месяца проводились «детские собрания»: «На них обсуждается дисциплина в группе, успеваемость в школе и в мастерских за месяц... кроме собраний практикуются сборы на линейку с проработкой хороших и плохих поступков в жизни детского дома». «Детские собрания» проходили в присутствии директора детского дома, завуча, ведущих учителей и воспитателей – что также должно было стимулировать воспитанников не совершать проступки.

По схожей схеме контролировалась и дисциплина в рамках процесса школьного обучения умственно отсталых сирот: «Уроки контролируются завучем, каждое 15-е число проводятся по классам открытые уроки с их разбором и обсуждением на педсовете. Уроки посещают: завуч, директор, воспитатели. Педагогические совещания проводятся 2 раза в месяц. После открытых уроков на них разбирается ведение уроков, план учителя. Происходит обмен мнениями, выявляются недостатки в ведении уроков и отмечаются хорошие стороны работы». «Давались указания завучем и директором. Происходил обмен опытом между учителями. Отмечались положительные и отрицательные стороны ведения урока. В каждом классе имеются табели учета дисциплины и дежурств на каждый день. Школьная успеваемость и посещаемость велась в классных журналах».

С воспитанниками Григорьевского детского дома разбирались простейшие нормы поведения

и самообслуживания в соответствии с элементарными требованиями общества к человеку. Для этого вне школьного курса организовывались «предметные уроки»: «Моя кровать и постельные принадлежности», «Моя одежда», «Я у myself», «Я обедаю», «Ложусь спать и складываю одежду», «Иду гулять» и т. д. «Режим дня и правила внутреннего распорядка проверяются каждым сменным воспитателем. Трудовые процессы проводятся ежедневно по распорядку дня и планам дежурных воспитателей. Дети, под руководством воспитателя, выполняют посильные для них работы по дому, дежурят, сами опрашивают свои койки и следят за чистотой помещений».

Подобные подходы к воспитательному процессу: постоянный каждодневный контроль поведения; публичное поощрение их успехов и порицание проступков; внимательное отслеживание поведения каждого ребенка и учет его индивидуальных особенностей, а равно и строгий контроль за работой учителей и воспитателей, постоянный обмен практическим педагогическим опытом представляют интерес и для современной практики социальной работы с детьми, имеющими дефекты в развитии.

Библиографический список:

1. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 261. Л. 130.
2. ГАЯО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 180. Л. 109.
3. ГАЯО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 205. Л. 26.
4. ГАЯО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 180. Л. 7.
5. ГАЯО. Ф. Р-2238. Оп. 1. Д. 85. Л. 34.
6. ГАЯО. Ф. Р-2238. Оп. 1. Д. 118. Л. 111-А.
7. ГАЯО. Ф. Р-2238. Оп. 1. Д. 132. Л. 111-об.
8. ГАЯО. Ф. Р-2238. Оп. 1. Д. 132. Л. 102-об.
9. ГАЯО. Ф. Р-2238. Оп. 1. Д. 132. Л. 111-об.
10. ГАЯО. Ф. Р-2238. Оп. 1. Д. 118. Л. 111-А.
11. ГАЯО. Ф. Р-2238. Оп. 1. Д. 132. Л. 111-об.
12. ГАЯО. Ф. Р-2238. Оп. 1. Д. 132. Л. 111-об.
13. ГАЯО. Ф. Р-2238. Оп. 1. Д. 132. Л. 102; Д. 118. Л. 107.
14. ГАЯО. Ф. Р-2238. Оп. 1. Д. 118. Л. 109-об.
15. ГАЯО. Ф. Р-2238. Оп. 1. Д. 132. Л. 106-об.
16. ГАЯО. Ф. Р-2238. Оп. 1. Д. 118. Л. 112, 112-об.
17. ГАЯО. Ф. Р-2238. Оп. 1. Д. 118. Л. 112-об.; Д. 132. Л. 113-об.
18. ГАЯО. Ф. Р-2238. Оп. 1. Д. 132. Л. 114.